

© 1990 г.

ХРАКОВСКИЙ В.С.

# ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА (ОПЫТ АНАЛИЗА)

## 1. Вступительные замечания.

Изучение грамматических категорий — тема, постоянно привлекающая к себе внимание исследователей. В большой мере интерес к этой теме объясняется той важной ролью, которую грамматические категории играют в языковой системе. Напомним в этой связи, что по компетентному мнению Л. В. Щербы, «грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий» [1, с. 12]. Несколько упрощая реальное положение дел, но отнюдь не искажая его, можно утверждать, что традиционные описания знаменательных частей речи (и прежде всего — глагола) в основном сводятся к характеристике их грамматических категорий. Иллюстрировать этот тезис можно ссылкой на «Русскую грамматику» под ред. Н. Ю. Шведовой (М., 1980, т. I), где описание глагола фактически состоит из двух разделов: грамматические категории глагола (вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род) и словоизменение глагола. По существу та же схема описания глагола принята и в авторитетном учебнике «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой (М., 1981).

Важная роль отводится грамматическим категориям в лингвистической типологии. Как подчеркивал С. Д. Кацнельсон, «конечной целью типологического анализа является определение роли разнотипных грамматических функций в общем механизме языка и отделение универсальных функций, обязательных для всякого языка (данного уровня развития), от пидиотических функций, обусловленных специфической морфологией отдельных языков. Для достижения этой цели необходимо подвергнуть подробному редукционному анализу все морфологические категории, зарегистрированные описательной грамматикой в разных языках» [2, с. 21]. Идея типологического анализа грамматических категорий в настоящее время реализуется в работах Группы типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР. В соответствии с программой, предложенной основателем группы А. А. Холодовичем, уже проведен типологический анализ глагольных категорий: каузатива [3], пассива [4], результата [5], императива [6], множественности [7].

Учитывая важность проводимой работы и целесообразность ее продолжения, мы вместе с тем должны констатировать недостаточность «независимого» описания для адекватной характеристики грамматических категорий, поскольку их функционирование во многих случаях определяется взаимодействием с лексическим значением и другими грамматическими категориями глагола, а также с лексическими значениями и грамматическими категориями частей речи, входящих вместе с глаголом в состав предложения [8, с. 63].

Принимая во внимание сказанное, мы в этой работе хотим остановить-ся на проблеме взаимодействия грамматических категорий глагола, для чего нам предварительно придется дать краткий анализ понятия «взаимо-действие».

## 2. Понятие взаимодействия и его использование в языкознании.

Термин «взаимодействие» достаточно часто встречается в современ-ных лингвистических работах, однако, насколько мы можем судить, какого-либо определения понятия, обозначаемого этим термином, в язы-кознании нет и соответственно нет признанных критериев, позволяющих судить о наличии/отсутствии взаимодействия лингвистических элементов (и в том числе грамматических категорий). В этой связи хотелось бы от-метить, что анализом используемых научных понятий, логикой их дви-жения и развития лингвистики, как, впрочем, и представители других научных специальностей, начинают заниматься лишь тогда, когда порой неожиданно для себя осознают, что рабочие понятия, к которым у них до сих пор не было претензий, являются нечеткими, расплывчатыми, неясными. Специалистам в области методологии науки это обстоятельство хорошо известно, и они уже обращали внимание на то, «что к анализу исходных понятий, особенно таких, которые считаются сами собой разу-меющимися, ученые приходят на сравнительно позднем этапе своих исследований — пользуясь какой-либо привычной схемой, мы обычно не думаем о возможности ее превращения в объект теоретического зна-ния» [9, с. 188].

Говоря о сфере использования понятия «взаимодействие», следует прежде всего подчеркнуть, что оно входит в состав определения, которое дается языку в рамках структурного подхода, лежащего в основе науч-ной парадигмы, получившей серьезные результаты в XX в. В соответст-вии с этим определением, восходящим к Ф. де Соссюру, язык — целост-ная система, состоящая из элементов, которые по определенным правилам тесно в з а и м о д е й с т в у ю т друг с другом и окружающей средой. Можно также указать, что при моделировании языковой деятельности в интеллектуальных системах одним из ключевых является понятие язы-кового взаимодействия, охватывающее коммуникативную среду, а также языковую и коммуникативную компетенцию партнеров по общению [10]. Понятие «взаимодействие» используется и во многих других случаях, в том числе и при анализе грамматических категорий. Отметим в этой связи, что относительно недавно состоялся рабочий семинар лингвистов Ленинграда, Таллинна и Тарту, специально посвященный проблеме «Взаи-модействия языковых единиц и категорий в высказывании» [11]. В ре-зультате обмена мнениями участники семинара согласились с тем, что в настоящее время в языкознании нет какой-либо теории взаимодействия, и кроме того, обратили внимание на то, что зачастую в одном и том же контексте наряду с термином «взаимодействие» широко употребляются термины «взаимозависимость», «взаимообусловленность» и «взаимосвязь», причем их дифференциация остается неопределенной. Ср. [11, с. 15–17].

Для того чтобы уяснить суть понятия «взаимодействие», следует, видимо, прежде всего обратиться к его философской трактовке. С этой точки зрения, «Взаимодействие, филос. категория, отражающая про-цессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обу-словленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. В. представляет собой вид непосредств. или опо-

средованного, внеш. или внутр. отношения, *связи*. Свойства объекта могут проявиться и быть познанными только во В. с др. объектами» [12, с. 81]. Нужно заметить, что из этого весьма расплывчатого «определения» суть понятия взаимодействия не проясняется. Из него следует, что взаимодействие — это и воздействие объектов друг на друга (данное утверждение представляет собой тавтологическое высказывание), и взаимная обусловленность объектов (что интуитивно не кажется верным), и порождение одним объектом другого, переход одного объекта в другой (что действительно может рассматриваться как один из частных случаев взаимодействия).

Вместе с тем это определение может служить точкой опоры для того, чтобы, не претендуя на какое-либо решение проблемы взаимодействия в общем виде, высказать некоторые сугубо предварительные соображения относительно того, что такое взаимодействие грамматических категорий, и привести соответствующие иллюстрации этого явления. Эмпирической базой для приводимых ниже утверждений служит функционирование грамматических категорий глагола в различных разноструктурных языках. Важно подчеркнуть, что, говоря о взаимодействии грамматических категорий глагола, мы имеем в виду взаимодействие двух категорий, хотя в принципе допустимо одновременное взаимодействие нескольких грамматических категорий как одной, так и разных частей речи.

Наши исходные постулаты таковы: 1) взаимодействие — одна из разновидностей отношения, связывающего две грамматические категории, 2) взаимодействие — это такое отношение между грамматическими категориями, при котором видоизменяются обе грамматические категории (в частном случае — одна грамматическая категория — строго говоря, речь идет о ситуации, когда видоизменением другой грамматической категории можно пренебречь из-за его незначительных, приближающихся к нулю, проявлений).

Для исследования проблемы взаимодействия грамматических категорий воспользуемся методом моделирования. Будем считать, что в глагольном слове среди грамматических категорий имеется категория наклонения, представленная граммемами индикатива и императива<sup>1</sup>. Исходным объектом нашего исследования служат глагольные словоформы, в состав которых входит показатель индикатива и альтернативно сочетающиеся с ним показатели других глагольных категорий. Само исследование будет заключаться в замене заданных словоформ другими, которые отличаются от заданных только тем, что в них показатель индикатива заменен показателем императива. Цель исследования состоит в том, чтобы установить, как реагируют на замену индикатива императивом граммема других грамматических категорий. Таким образом, общая проблема взаимодействия грамматических категорий глагола сводится к более частной проблеме взаимодействия категории наклонения с другими глагольными категориями. Соответственно правомерен вопрос о том, с какими глагольными категориями в принципе может взаимодействовать категория наклонения.

Хорошо известно, что к числу основных категорий, присущих глаголу в различных языках, кроме наклонения, относятся категории времени, вида, залога (актива/пассива), референтное<sup>TM</sup> (рефлексива/реци-

<sup>1</sup> Эти граммема составляют тот минимум, который, насколько мы можем судить, представлен во всех описаниях категории наклонения. Соответственно такие неуниверсальные косвенные наклонения, как оятатив, конъюнктив и др., в работе не рассматриваются.

прока), каузатива, кратности (единичности/множественности), лица, числа, рода, класса и др. И в описательных грамматиках, и в работах общего характера выделяются и исследуются комплексы, обычно пары грамматических категорий, относительно которых утверждается, что они связаны друг с другом или зависят друг от друга. Наиболее активно анализируются такие пары, как вид—время, время—наклонение [11, с. 16]. Взаимозависимые грамматические категории предложено называть «сопряженными» [13, с. 15], а взаимозависимость объясняется семантическими причинами, а именно наличием общего семантического компонента у сопряженных категорий. Так, взаимозависимость категорий вида и времени предопределяется тем, что они по-разному отражают общую идею времени [14], тогда как взаимозависимость категорий времени и наклонения вытекает из того, что реальность (ирреальность) реализуется в конкретной временной отнесенности [6]. Из сказанного как будто бы следует вывод, что если какие-либо две категории не зависят друг от друга, то причиной этого служит отсутствие у них общего семантического компонента.

Таким образом, мы вплотную подошли к очень важному в теоретическом отношении вопросу: проявляется ли каким-либо закономерным образом наличие/отсутствие взаимозависимости категорий, а тем самым и возможность их взаимодействия в структуре семантического представления словоформы глагола? Правдоподобная гипотеза относительно устройства семантического представления глагольной словоформы на материале агглютинативного хиналугского языка предложена в работе [15]. Финитный глагол в этом языке, кроме корня, включает показатели категорий вида, времени и наклонения. Несколько упрощая реальное положение вещей, семантическое представление глагольной словоформы можно уподобить набору матрешек. Внешняя матрешка — это категория наклонения, в значении которой имеется переменная, заполняемая значением категории времени, т. е. следующей матрешки. В свою очередь в значении категории времени есть переменная, которая заполняется значением категории вида, т. е. еще одной матрешки. И в значении категории вида есть переменная, которая заполняется значением корня, представляющим собой последнюю внутреннюю матрешку. Из этой гипотезы следует, что взаимозависимость категорий, а тем самым и возможность их взаимодействия, предопределяется устройством семантического представления глагольной словоформы: взаимозависимыми являются такие пары категорий (вид—время, время—наклонение), у которых значения одной категории вкладываются в значения другой категории, причем «расположение служебных аффиксов относительно корня иконически повторяет структуру семантического представления словоформы» [15, с. 8].

Если следовать духу и букве этой гипотезы, то категория наклонения может взаимодействовать только с категорией времени, что находит подтверждение в существующей практике описания этих категорий. Мы, однако, полагаем, что такое утверждение не полностью отражает реальное положение вещей и что категория наклонения непосредственно взаимодействует не только с категорией времени, но и с категорией вида, а также с категориями залога, лица, числа (возможно, и с другими категориями), которых нет у хиналугского глагола. Ср. [16, с. 642]. Обоснованию этого тезиса и посвящены последующие разделы работы.

### 3. Взаимодействие наклонения и времени.

Если в каком-либо языке глаголу присущи категории наклонения: и времени, то обычно в индикативе представлены все временные формы. Если же от индикатива перейти к императиву, то здесь ситуация в корне меняется. В подавляющем большинстве случаев у императива нет временных форм. Такое отторжение категории времени объясняется не тем, что значения императива и времени в принципе совсем не совместимы. Напротив, отторжение происходит в силу внутренне присущей императиву презентно-футуральной рамки, т. е. того, что действие, обозначаемое императивной формой, либо уже реализуется в момент речи (*Читай* = «продолжай читать» — презентная перспектива), либо должно начать реализовываться после момента речи (*Читай* = «начинай читать» — футуральная перспектива).

Присущая императиву презентно-футуральная рамка объясняет его многообразную связь с соответствующими временными формами индикатива. Эта связь проявляется, например, в том, что в некоторых языках, в частности в славянских, специализированные центральные формы императива 2 л. ед. ч. образуются от основы настоящего времени индикатива: (русс.) *смотри*-и, *читай*-и.

Далее эта связь проявляется в том, что некоторые императивные формы по происхождению являются формами настоящего или будущего времени либо восходят к этим формам. Ср.: (франц.) *parle* «говори», *parlez* «говорите», *parlous* «давай/те говорить», (русс.) *идем*, *идемте*, *пусть идет*, *пусть идут*.

Наконец, эта связь проявляется в том, что в отдельных языках презентные и/или футуральные формы индикатива выступают как полноправные синонимы императивных форм, не уступая им в употребительности. Именно такая ситуация характерна для языка иврит, где повеление ко 2 л. выражается как формами императива [*saper* «расскажи» (м. р.), *sapri* «расскажи» (ж. р.), *sapru* «расскажите»], так и формами футурума [*tesaper* «расскажи» (м. р.), *tesapri* «расскажи» (ж. р.), *tesapru* «расскажите»]. Семантические различия между «стандартным» и «футуральным» императивом трудноуловимы. Считается, что «футуральный» императив в принципе более вежлив, чем «стандартный». Существенно вместе с тем подчеркнуть, что в иврите нет специализированных императивных форм 1 л. и 3 л. и соответствующие формы футурума — это единственные формы, способные выражать повелительное значение (1 л. мн. ч. *nesaper* «давай/те рассказке», 1 л. ед. ч. *'asaper* «расскажу-ка я», 3 л. ед. ч. м. р. *yesaper* «пусть он расскажет», 3 л. ед. ч. ж. р. *tesaper* «пусть она расскажет», 3 л. мн. ч. *yesapru* «пусть они расскажут»).

Сходная ситуация наблюдается и в языке кламат (языковая семья кламат-сахатин, макросемья пенути, США, штат Орегон), где форма будущего времени (показатель *-wabgl-wapk*) выступает как полноправный синоним любой формы, входящей в императивную парадигму (временные формы индикатива в отличие от форм императива по лицам не изменяются)<sup>2</sup>. Ср.: *ksebli-φ* «принеси живое (= рыбу) обратно» — императив 2 л. ед. ч., *ksebli-wapk* «принеси живое (= рыбу) обратно» — футурум; *ksotgi-k* «положу-ка я живое вниз (рыбу на шампур)» — императив 1 л. ед. ч., *ksotgi-wapk* «положу-ка я живое вниз (рыбу на шампур)» — футурум.

<sup>2</sup> О языке кламат см. работы [17, 18]. Приводимые ниже примеры любезно предоставил нам В. А. Стегний.

Нам остается доавить, что презентные и футуральные формы индикатива в принципе имеют тенденцию в косвенных речевых актах выступать в качестве функциональных синонимов императивных форм 2 л. (*Завтра Вы подадете/подадите заявление об уходе по собственному желанию*).

Суммируя сказанное, можно утверждать, что категории наклонения и времени взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие проявляется в том, что значение времени заполняет переменную в значении индикатива, но является константным компонентом в значении императива. Если согласиться с предложенной трактовкой, то придется признать, что утверждение, в соответствии с которым значение времени заполняет переменную в значении наклонения [15, с. 81, а не его отдельных категориальных форм, и в первую очередь индикатива, является слишком сильным.

Сделанному выводу на первый взгляд противоречат факты, к рассмотрению которых мы сейчас переходим. В некоторых языках существует оппозиция императивных форм, которая в грамматиках квалифицируется как временная. К числу таких языков относится латынь, где различаются императив настоящего времени (*imperativus praesentis*): *lauda* «хвали», *laudate* «хвалите» и императив будущего времени (*imperativus futuri*): *laudato* «хвали потом», *lauddtote* «хвалите потом». На самом деле эта оппозиция не является временной в том смысле, в соответствии с которым мы различаем индикативные формы настоящего и будущего времени. Действие, обозначаемое императивом настоящего времени, происходит либо непосредственно после момента речи, либо через любой временной интервал: *Manns lava et cena* (Cic. De or. 2, 246) «Вымой руки и обедай», *Si me diligis, postridie Calendas cena apud me* (Cic. Att. 4, 12) «Если ты меня любишь, пообедай у меня на другой день после календ». Действие, обозначаемое императивом будущего времени, всегда происходит только через какой-либо временной интервал после момента речи: *Si me diligis, ad me litteras mittito* (Cic. Fam. 3, 9, 2) «Если ты меня любишь, пришли мне письмо»<sup>3</sup>.

Таким образом, и императив настоящего времени, и императив будущего времени обозначают будущее действие, а суть их различий состоит в том, что сфера действия императива будущего времени распространяется только на часть отрезка временной оси, который составляет сферу действия императива настоящего времени. Иными словами, императив настоящего времени всегда можно употребить вместо императива будущего времени, но не наоборот. Из сказанного следует, что и в латыни у императива нет категории времени, однако здесь место этой категории занимает другая категория, которую, видимо, можно характеризовать, как категорию временной ориентации, поскольку различие обозначающих ее форм связано с обязательностью/необязательностью наличия интервала между моментом речи и моментом исполнения действия.

Сходная ситуация наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках, и в частности в нанайском [20]. Здесь во 2 л. различаются императив ближайшего будущего и императив отдаленного будущего. Показатель императива ближайшего будущего — суф. *-пу-1-у-1-о-* (*хола-у* «читай сейчас», *хола-у-су* «читайте сейчас», *дебо-пу* «работай сейчас», *деб-о-су* «работайте сейчас»). Показатель императива отдаленного будущего — суф. *-хари-1-хри-* (*чимана хола-хари* «завтра читай», *чимана хола-хар-су* «завтра читайте»,

<sup>3</sup> Латинские примеры заимствованы из работы [19, с. 191].

*дебо-хари* «работай потом», *дебо-хар-су* «работайте потом»). Если языковые факты описаны точно, то дистрибуция императивных форм в нанайском языке не такая, как в латыни. В нанайском языке императивные формы находятся в отношении дополнительной дистрибуции: императив ближайшего будущего обозначает действия, которые происходят немедленно после момента речи, т. е. без интервала, тогда как императив отдаленного будущего обозначает действия, которые происходят через какой-либо интервал после момента речи.

Впрочем, можно думать, что дистрибуция императивных форм в тунгусо-маньчжурских языках напоминает дистрибуцию императивных форм в латыни. В этом нас убеждает знакомство с фактами эвенкийского языка. Хотя в грамматике этого языка в соответствии с существующей традицией описания говорится, что «глагол побудительного наклонения дифференцируется по степени временной отдаленности совершения побудительного действия от момента речи: различается побудительное действие ближайшего будущего и отдаленного будущего времени» [21, с. 183], примеры, любезно предоставленные в наше распоряжение Н. Я. Булатовой, позволяют сделать вывод, что сфера действия императива ближайшего будущего (показатель 2 л. ед. ч. *-кал1-кэл*) распространяется на всю временную ось после момента речи, тогда как сфера действия императива отдаленного будущего (показатель 2 л. ед. ч. *-дави1-дэви*) требует наличия интервала после момента речи и при этом императив отдаленного будущего обозначает смягченное повеление. Ср.: *Си эрты эмэ-кэл* «Ты тотчас приходи», *Си тыматнэ эмэ-кэл* «Ты завтра приходи» и *Си тыматнэ эмэ-дэви* «Ты завтра приходи», *Окса, тэли эмэ-дэви* «Сделаю, тогда приходи». Таким образом, и в тунгусо-маньчжурских языках императив ближайшего будущего и императив отдаленного будущего независимо от той или иной их интерпретации образуют категорию временной ориентации.

В результате мы приходим к следующему заключению. Наклонение и время являются взаимодействующими категориями. Их взаимодействие проявляется в том, что у индикатива есть временные формы, а у императива таких временных форм нет, поскольку презентно-футуральная рамка является компонентом его значения. Вместе с тем факультативно императиву может быть присуща категория временной ориентации, которая маркирует различную локализацию действия внутри присущей императиву презентно-футуральной рамки. Следовательно, можно считать, что в анализируемой паре грамматических категорий наклонение является доминантной категорией, а время — рецессивной категорией.

#### 4. Взаимодействие наклонения и вида.

Анализ категорий наклонения и вида хочется начать с утверждения, что эти категории не являются взаимообусловленными. Иными словами, есть языки (например, немецкий язык), которые обладают категорией наклонения, но не имеют самостоятельной грамматической категории вида. Вместе с тем, если в языке есть категория вида, то обычно в этом языке есть категория наклонения. Данное обстоятельство позволяет прогнозировать принципиальную возможность взаимодействия наклонения и вида.

Как известно, категория вида, представленная граммемами НСВ и СВ, служит визитной карточкой славянских языков. В силу этого обстоятельства категория вида в славянских языках изучена весьма обстоятельно, и поэтому проблему взаимодействия наклонения и вида мы будем

расслаивать на материале славянских языков, и прежде всего русского языка. Специфическая особенность категории вида, акцентируемая современной аспектологией, состоит в том, что не каждая глагольная лексема, т. е. не каждое глагольное значение, репрезентируется формами НСВ и СВ, образующими видовую пару (типа *переписывать* — *переписать*), члены которой лексически тождественны и отличаются друг от друга только по видовому значению. Наряду с парными глаголами, т. е. имеющими формы НСВ и СВ, есть также и непарные (одновидовые) глаголы НСВ (*уважать*, *спать*) и СВ (*истолочь*, *расплакаться*). Кроме того, члены одной видовой пары могут неодинаковым образом сочетаться с лексическими (словарными) значениями многозначных глаголов. Если взять в качестве примера глагол *рассчитывать/рассчитать*, то значение «произвести подсчет, исчисление чего-л.» реализуется обеими видовыми формами (*рассчитывать/рассчитать траекторию полета*), тогда как значение «учитывая обстоятельства, надеяться на что-л.» присуще только форме НСВ (*рассчитывать на помощь друзей*). Иными словами, вид — это категория, неразрывно связанная с лексемой, тогда как наклонение и время связаны не с лексемой, а с вокабулой, т. е. формы наклонения и времени образуются при любом значении многозначного глагола, хотя, скажем, употребление императивных форм зависит от того, является ли конкретное значение глагола агентивным или неагентивным.

Для нашей темы важно подчеркнуть, что основные теоретические положения учения о виде сформировались в результате анализа употребления видовых форм прошедшего времени и отчасти настоящего времени индикатива. «Что касается вневременных употреблений СВ и НСВ (императив, инфинитивные обороты, употребление после модальных предикатов), то они ... не стали еще объектом систематического исследования: чаще всего лингвисты пытаются описывать такого рода случаи при помощи понятий, используемых для употребления СВ и НСВ в прош. времени» [22. с. 269].

В результате анализа видо-временных форм русского глагола стало ясно, что индикативные формы как НСВ, так и СВ употребляются без каких-либо ограничений. Выяснилось также, что видовые граммемы неоднозначны. Основным и наиболее частым значением граммы НСВ является актуально-длительное, или конкретно-процессное значение, которое характеризует единичное действие, взятое в его срединной фазе, т. е. в процессе его осуществления (*Вечером я писал письмо*). Фазы начала и прекращения действия в этом случае остаются за кадром. Другое значение этой граммы — общефактическое, которое сосредотачивает внимание на самом факте прошлого действия, время прекращения которого остается неопределенным (*Я предупреждал его о ревизии*)<sup>4</sup>. Еще одно значение этой граммы неоднократное, или повторительное, которое обычно реализуется при наличии в контексте соответствующих показателей неоднократности (*Мы каждый день смотрим телевизор*). Что касается граммы СВ, то ее основным значением считается конкретно-фактическое, которое характеризует единичное действие как взятое целиком и осуществившееся в определенный момент времени (*Он позвонил мне рано утром*). Кроме того, у этой граммы есть наглядно-примерное значение (*Он иногда ни с того ни с сего перебьет всю посуду*) и потенциальное значение (*Такой костюм теперь не найдешь*), которые иногда считают

<sup>4</sup> Для целей данной работы irrelevantно то обстоятельство, что общефактическое значение имеет три разновидности: результативное, двунаправленное, нерезультативное [23].



«переносными видоизменениями конкретно-фактического значения» [24, с. 23] <sup>5</sup>.

Располагая сведениями о семантике граммем НСВ и GB в индикативных формах, мы можем поставить вопрос о функционировании императивных форм обоих видов. Сразу же скажем, что граммеме НСВ в императивных формах присущи те же значения, что и в индикативных формах, однако в известной мере меняется иерархия значений грамлемы. У императивных форм ведущим значением грамлемы НСВ является общефактическое, а не актуально-длительное, как у индикативных форм. Известно, что прескрипция, выражаемая императивной формой, может относиться либо к действию, которое еще не совершается в момент речи (*Говорите, мы слушаем, Включайте свет*), либо к действию, которое уже совершается в момент речи (*— Что ей здесь делаете! — Слушаем музыку. — Ну, слушайте, слушайте*) [25]. Основную массу употреблений императива НСВ образуют случаи, когда прескрипция относится к действию, которое не совершается в момент речи. Нет оснований сомневаться в том, что в подобных употреблениях грамлемы НСВ присуще общефактическое значение (внимание сосредотачивается на самом факте будущего действия, которое должно завершиться, хотя момент его завершения остается неопределенным). У общефактического значения в императивных формах есть интересные особенности, которые не свойственны ему в индикативных формах. Первая особенность состоит в том, что специально может акцентироваться внимание на начальной фазе действия (*Проводите голосование* = «начинайте проводить голосование»). Вторая особенность заключается в том, что действие должно происходить немедленно после момента речи (*Давай чемодан*) или после какого-либо эксплицитно обозначенного момента в будущем (*Через час слушайте важное сообщение*). Третья особенность сводится к тому, что прескрипция обуславливается не столько личным желанием говорящего, сколько создавшейся объективной ситуацией (*Включайте свет. Кино кончилось*) [26, 27].

Актуально-длительное значение присуще грамлемы НСВ в тех относительно немногочисленных случаях, когда прескрипция относится к действию, которое уже совершается в момент речи (*— Ты уже спишь! — Сплю. — Ну, спи, спи*). В подобных случаях прескрипция каузирует необходимость продолжать действие, находящееся в своей срединной фазе (*Спи* = «продолжай спать»), что как раз и характерно для актуально-длительного значения.

Что касается неоднозначного значения грамлемы НСВ, то оно реализуется в императивных формах точно так же, как и в индикативных (*Зовите нас каждый день*).

Если говорить об особенностях грамлемы СВ в императивных формах, то они сводятся к тому, что эта граммема из неоднозначной становится однозначной: у нее остается ее основное конкретно-фактическое значение и в отличие от индикативных форм нет наглядно-примерного и потенциального значений. Существенно подчеркнуть, что действие, обозначаемое формой СВ, может происходить либо немедленно после момента речи (*Включи телевизор*), либо через определенный временной интервал (*Включи телевизор в 9 вечера. Я буду выступать*). Кроме того, при употреблении формы СВ прескрипция обуславливается не создавшейся объективной ситуацией, очевидной для говорящего и слушающего, а личным желанием

5 Мы оставляем в стороне вопрос о том, что неоднозначность видовых граммем в большой мере определяется семантической неоднородностью лексем и тем самым<sup>6</sup> представляет собой результат взаимодействия видовых граммем и лексем.

говорящего, о котором слушающий может и не знать (*Петя, дай мне на несколько дней твою сумку. Моя совсем порвалась*).

Для полноты картины необходимо рассмотреть вопрос о функционировании видовых форм в отрицательных предложениях. Как известно, отрицательная частица свободно сочетается с индикативными формами обоих видов, не видоизменяя принципиально значения граммем как НСВ, так и СВ. Что касается сочетаемости отрицательной частицы с императивными формами НСВ и СВ, то здесь картина несколько меняется. Сразу же скажем, что прескрипция относительно неисполнения действия, т. е. запрет действия, выражается только формами НСВ, причем запрет может относиться как к действию, уже совершающемуся в момент речи (*Не кричи* = «перестань кричать» — актуально-длительное значение НСВ), так и к действию, еще не совершающемуся в момент речи (*Не приходи завтра* — общефактическое значение НСВ), а также к неоднократным действиям (*Не приходи по вечерам* — неоднократное значение НСВ). Что касается СВ, то эта форма в сочетании с отрицательной частицей в южнославянских языках в настоящее время практически выходит из употребления [28], тогда как в западных и восточных славянских языках за формой СВ с отрицанием закреплено значение предостережения (*Не утони, Случайно не позвони отцу*). Образуют эту форму глаголы, точнее глаголы употребления, обозначающие неконтролируемые действия, а прескрипция в данном случае каузирует исполнителя агентивно действовать таким образом, чтобы случайно не оказаться в неконтролируемой ситуации, называемой императивной формой глагола.

Обобщая сказанное относительно функционирования индикативных и императивных видовых форм, можно утверждать, что 1) индикативные и императивные формы НСВ отличаются друг от друга разной иерархией значений видовой граммемы: у индикативных форм основным значением является актуально-длительное, а у императивных форм — общефактическое, 2) в императивных формах НСВ возможна акцентуация начальной фазы действия, что исключается в индикативных формах, 3) если у индикативных форм граммема СВ неоднозначна, то у императивных форм эта граммема имеет только конкретно-фактическое значение, 4) если индикативные формы СВ без ограничений употребляются в отрицательных предложениях, то императивные формы СВ либо вообще не употребляются в отрицательных предложениях (в южнославянских языках), либо употребляются, обозначая неконтролируемые действия и выражая специфическое значение предостережения (в западных и восточных славянских языках), 5) в отличие от индикативных форм императивные формы НСВ и СВ образуют категорию временной ориентации: действие, происходящее в момент речи, или действие, происходящее немедленно после момента речи (а также после любой эксплицитно названной точки отсчета), выражается формой НСВ, действие, происходящее или немедленно после момента речи или через любой временной интервал, выражается формой СВ.

Таким образом, у нас есть основания считать, что категории наклонения и вида взаимодействуют друг с другом, причем в этом взаимодействии доминантной является категория наклонения, а рещесивной категория вида. К такому выводу мы приходим потому, что в результате взаимодействия в большей мере видоизменяется категория вида. Вместе с тем и вид воздействует на категорию наклонения — мы имеем в виду выражение императивными формами СВ в отрицательных предложениях специфического значения предостережения.

## 5. Взаимодействие наклонения и залога.

Если исходить из того, что категория залога образуется оппозицией" активных и пассивных форм, а формы рефлексива, реципрока и каузатива не считать залоговыми [3, 29], то тогда категории наклонения и залога нельзя характеризовать как взаимообусловленные. Дело в том, что наличие категории наклонения отнюдь не предопределяет наличия категории залога. Хорошо известно, например, что отсутствие категории залога считают одним из характерных признаков типичных эргативных языков [30], тогда как категория наклонения в этих языках есть. Однако если в языке есть категория залога, то в нем обычно есть и категория наклонения. Указанное обстоятельство дает основание думать, что эти категории могут взаимодействовать друг с другом.

Залог, как и вид, относится к числу категорий, которые непосредственно связаны с лексемой, а не с вокабулой. В силу этого в принципе возможно существование потенциально неоднозначных залоговых форм. Таковы, например, русские глагольные формы с постфиксом *-ся* типа *наниматься, удаляться*. Эти формы в зависимости от контекста могут интерпретироваться и как активные (*Якуты нанимаются в рабочие и выгодно сбывают на прииски хлеб*. А. Гончаров), и как пассивные (*Павлищев доверил его каким-то старым помещицам, своим родственникам; для него нанималась сначала гувернантка, потом гувернер*. Ф. Достоевский).

У залога и вида есть не только сходство, но и различия, которые сводятся к тому, что вид является содержательной, т. е. семантически наполненной категорией, тогда как залог перераспределяет одни и те же семантические роли по разным синтаксическим позициям, т. е. является семантико-синтаксической категорией. Несколько огрубляя реальное положение вещей, можно утверждать, что в соотносительных активной и пассивной конструкциях позицию подлежащего занимают имена, выполняющие разные семантические роли.

Предметом нашего анализа служат переходные глаголы, у которых есть индикативные формы актива и пассива. Наша цель состоит в том, чтобы охарактеризовать императивные залоговые формы. Теоретически можно допустить, что у переходных глаголов есть императивные формлгы а) только актива, б) и актива, и пассива, в) только пассива. Все эти возможности реализуются в конкретных языках.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих возможностей, необходимо сделать важное предварительное замечание. Все языки, у которых есть индикативные формы актива и пассива, очевидно, можно разделить на две группы. В одну группу входят языки, в которых пассивные формы описываются как заведомо формально производные и обычно употребляющиеся в текстах реже, чем активные. Кроме того, для языков этой группы не характерно наличие нескольких формально различных пассивных форм. К числу таких языков относятся, например, индоевропейские, афразийские, тюркские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские. В другую группу входят языки, в которых формальная производность пассивных форм от активных далеко не очевидна, а употребляются эти формы либо так же часто, как активные, либо чаще активных. К тому же в этих языках многовалентные переходные глаголы могут иметь несколько формально различных форм объектного, адресатного, бенефактивного, каузального, а иногда и других пассивов. К числу таких языков принадлежат, например, аустронезийские языки [31, 32].

Если теперь обратиться к рассмотрению языков первой группы, то у них обычно бывают только формы активного императива. Правда, в очень редких случаях могут встретиться и формы пассивного императива 2 л. Такие формы отмечены в латыни, где наряду с формами активного императива (типа *laudd* «хвали», *laudato* «хвали потом») существуют и крайне редко употреблявшиеся формы пассивного императива (типа *lauddre* «будь похвален», *laudator* «будь похвален потом»). Теоретически формы пассивного императива выделяются в английском языке, причем отдельные примеры приводятся в грамматиках: *Be checned by a doktor, then, you'll be sure there's nothing wrong* [33, с. 15] «Будь осмотрен врачом (=дай осмотреть себя врачу), и ты убедишься, что с тобой все в порядке». Однако в текстах формы пассивного императива встречаются в основном в отрицательных предложениях: *Don't be deceived, George (Wilde)* «Не будь обманут (=не дай себя обмануть), Джордж». Фактически рассмотренным формам пассивного императива присуще каузативно-рефлексивное значение: «пациенс выступает как каузатор, который действует так, чтобы агенс совершил с ним называемое действие». Таким образом, формальной оппозиции: активный императив/пассивный императив соответствует содержательная оппозиция: активный императив/каузативно-рефлексивный императив.

Еще реже, чем формы пассивного императива 2 л., встречаются формы пассивного императива 3 л., которые, в частности, отмечены в таких тюркских языках, как казахский, киргизский и узбекский [34, с. 52]. Однако формальная оппозиция: активный императив 3 л. ед. ч. / пассивный императив 3 л. ед. ч. содержательно является не залоговой, поскольку пассивная форма в отличие от активной обозначает не «нормальное» повеление, адресованное 3 л., а категорическое повеление, адресованное неопределенному лицу. Ср.: (кирг.) *Ал буйрукту аткарысн* «Пусть он приказ выполняет» и *Буйрук аткарылсын* «Приказ выполнять».

Перейдем к рассмотрению языков второй группы. В некоторых из них переходные глаголы имеют только формы пассивного императива. Так, например, обстоит дело в языке маори (*Tau-ia te para* «Вытащи доску», букв. «Пусть-будет-вытащена доска (тобой)») и в мадурском языке (*Toles sorat jareya Ы' Ба'на* «Пиши это письмо», букв. «Пишишь письмо это тобой» [35, с. 59]). В других случаях, в частности в индонезийском языке, у переходных глаголов есть и пассивные, и активные императивные формы. Выбор пассивного или активного императива зависит от определенности (референтности)/неопределенности (нереферентности) пациенса, с которым происходит действие. Если пациенс определенный, то избирается конструкция с пассивным императивом, в которой пациенс занимает позицию подлежащего, а агенс занимает позицию факультативного дополнения. Ср.: *Baca surat (oleh Anda)* «Прочитайте письмо», букв. «Пусть-будет-прочитано письмо (Вами)». Если пациенс неопределенный, то избирается конструкция с редуцированной формой активного императива и постпозитивным формантом *-lah*. Ср.: *Membaca-baca-lah koran* «Почитай газету», *Membaca-baca-lah sebelum tidur* «Почитай (что-нибудь) перед сном» [36].

Отдельно остановимся на ситуации с многовалентными глаголами. Как мы уже отмечали, в некоторых аустронезийских языках многовалентный переходный глагол может иметь одну индикативную форму актива и несколько форм пассива. Например, в тагальском языке у глагола со значением «давать» есть форма актива (*mag-bigay*), форма объектного

пассива (*i-bigay*) и форма адресатного пассива (*Bl i-an*). Те же три формы употребляются и в повелительных предложениях, причем выбор пассивных форм в соответствии с общим правилом детерминируется определенностью участника ситуации, занимающего в пассивной конструкции позицию подлежащего. Ср.: *I-bigay mo sa bata ang kuwarta niya* «Дай ты ребенку его деньги», букв. «Пусть-будут-даны тобой ребенку его деньги»; *Bigi-an mo ako ng pilak* «Дай ты мне серебра», букв. «Пусть-буду-одарен я тобой серебром».

Обобщая изложенное, мы можем сказать, что категории наклонения и залога взаимодействуют друг с другом, причем результаты взаимодействия отражаются на категории залога. Как нам удалось показать, в сфере повелительных предложений в отличие от неповелительных либо исключается возможность использования одной из двух залоговых форм, либо сокращается область ее употребления. В языках первой группы ограничения касаются пассивной формы, в языках второй группы — активной формы. При сохранении формальной оппозиции залоговых форм в некоторых языках первой группы меняется интерпретация этой оппозиции: формально пассивная форма является либо каузативным дериватом исходной активной формы, что лишний раз иллюстрирует известный тезис о связи каузативности и пассивности [37], либо маркирует категорическое повеление, адресованное неопределенному лицу. Таким образом, взаимодействие наклонения и залога, затрагивая в основном сферу употребления залоговых форм, в минимальной степени сказывается и на значении пассивных форм.

## 6. Взаимодействие наклонения с лицом и числом.

С самого начала отметим, что лицо и число глагола стандартно характеризуются как согласовательные, т. е. семантически пустые категории, причем формы лица обычно являются и формами числа, что и позволяет их рассматривать совместно. Выбор значений этих категорий, как принято считать, зависит от актантного (именного и/или местоименного) окружения глагольных форм. Тем самым эти категории сближаются с залогом, выбор значений которого также зависит от актантного окружения. Таким образом, у нас есть основания полагать, что лицо и число, также как и залог, взаимодействуют с категорией наклонения, которое является содержательной, т. е. семантически наполненной категорией.

Первое обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, заключается в том, что тезис о согласовательном характере лица и числа нуждается в корректировке. Этот тезис справедлив, да и то не всегда, лишь по отношению к индикативу. Рассмотрим в этой связи два арабских примера: 1) *nam-a* «Он уснул» и 2) *nam-й* «Они уснули». Данные примеры являются полными неэллиптическими предложениями, состоящими из одной глагольной словоформы. Следовательно, выбор формы 3 л. ед. ч. м. р. в первом случае и формы 3 л. мн. ч., м. р. во втором случае определяется не соответствующими характеристиками местоименного актанта в позиции подлежащего, поскольку его нет в предложении, а вытекает из свойств семантического субъекта, который на поверхностном уровне представлен в предложении только в соответствующих лично-числовых показателях словоформы.

Для императива подобную ситуацию следует считать наиболее типичной, поскольку в стандартных случаях употребления императивных форм 2 л. ед. и мн. ч., 1 л. мн. ч. (= совм. л.) типа *иди, идите, идем, идем-*

*me*, (франц.) *parle* «говори», *parlez* «говорите», *parlons* «давай/те говорить» отсутствие местоименного подлежащего является либо нормой, как в русском языке по отношению к формам 2 л., либо правилом, как во французском языке, а в русском языке по отношению к формам 1 л. мн. ч. (= совм. л.). Идеи о том, что в императиве лицо и число не являются согласовательными категориями, восходят к Р. Якобсону, который писал, что «в сфере повелительного наклонения корреляция числа является самостоятельной» [38, с. 218]. Вместе с тем можно думать, что и для индикатива трактовка этих категорий как согласовательных в строго формальном смысле является недостаточной.

Если теперь обратиться к рассмотрению вопроса о лично-числовых формах императива, то прежде всего следует отметить следующее своеобразное явление. Есть языки (например, нивхский, кламат, лезгинский, монгольский, японский), у которых в индикативе нет лица и числа, а в императиве эти категории есть, причем состав императивной парадигмы заметно колеблется от языка к языку. В нивхском языке (амурский диалект) в императивную парадигму, в частности, входит шесть форм: 2 л. ед. ч. *ви-йа* «иди», 2 л. мн. ч. *ви-вэ* «идите», 1 л. дв. ч. (= совм. л. ед. ч.) *ви-нытэ* «пойдем-ка», 1 л. мн. ч. (= совм. л. мн. ч.) *ви-да* «пойдемте», 1 л. ед. ч. *ви-ныкта* «пойду-ка я», 3 л. *ви-щазо* «пусть он идет» '«пусть они идут» [39]. В языке кламат в императивную парадигму входит пять форм: 2 л. ед. ч. *ра-0* «ешь», 2 л. мн. ч. *ра-ат* «ешьте», 1 л. мн. ч. (= совм. л.) *ра-на* «поедем-ка мы», 1 л. ед. ч. *пан-ик* «поем-ка я», 3 л. *па-тgi* «пусть он поест» / «пусть они поедят». В лезгинском языке в императивную парадигму входят три формы: 2 л. *ацукь(а)* «садись» / «садитесь», 1 л. *ацукь-ин* «давай/те сядем» / «давай/те сяду», 3 л. *ацукь-рай* «пусть садится» / «пусть садятся» [40]. Такие же три формы входят в императивную парадигму монгольского языка: 2 л. *буу* «спускайся» / «спускайтесь», 1 л. *буу-я* «спустимся-ка мы» / «спущусь-ка я», 3 л. *буу-г* «пусть он спустится» / «пусть они спустятся» [41]. В японском языке в императивную парадигму входит всего две формы: 2 л. *ём-э* «читай» / «читайте», 1 л. *ём-о* «давай/те почитаем» / «дай/те почитаю» [42].

Языки, в которых лично-числовая парадигма есть у индикатива, но, не у императива, нам не известны. Таким образом, наши наблюдения, если они, разумеется, справедливы, позволяют сформулировать следующую импликацию. Если лично-числовая парадигма есть в индикативе, то она есть и в императиве. Обратное неверно [6, с. 87]. Вместе с тем лично-числовая парадигма императива обычно по целому ряду параметров отличается от лично-числовой парадигмы индикатива.

Первое. В лично-числовой парадигме императива центральными и соответственно наиболее употребительными являются формы 2 л., тогда как в лично-числовой парадигме индикатива формам 2 л. эти особенности не свойственны. Разное распределение центральных и периферийных форм в индикативе и императиве объясняется семантико-прагматическими причинами. Основное назначение индикатива — передавать информацию о реальных событиях. Участниками этих событий в принципе могут быть и лица (а также не-лица), не участвующие в коммуникативном акте, и лица, участвующие в коммуникативном акте. Таким образом, совпадение участников событий с участниками коммуникативного акта не является обязательным. Напротив, наиболее естественно для говорящего, чтобы он информировал слушающего о событиях, участником которых тот не является, и потому они остаются ему неизвестными. Именно по этой причине формы 2 л. являются периферийными в индикативной парадигме.

Основное назначение императива — инициировать некоторое событие, агенсом которого в принципе может быть любое лицо, но прежде всего слушающий / слушающие, что и делает формы 2 л. центральными в императивной парадигме, а все остальные — периферийными.

Второе. Лично-числовые показатели императива, как правило, полностью или частично отличаются от лично-числовых показателей индикатива. Ср., например, азербайджанские формы 2 и 3 лиц императива и настоящего-будущего времени индикатива: 2 л. ед. ч. *ал-ш* «возьми», *ал-ар-сан* «ты берешь», 2 л. мн. ч. *ал-ын* «возьмите», *ал-ар-сынн* «вы берете», 3 л. ед. ч. *ал-сын* «пусть он возьмет», *ал-ар-0* «он берет», 3 л. мн. ч. *ал-сын-лар* «пусть они возьмут», *ал-ар-лар* «они берут» [43].

Материальное отличие лично-числовых показателей императива от лично-числовых показателей индикатива объясняется, возможно, тем, что во многих случаях, как и в азербайджанском языке, именно эти показатели по существу являются показателями императива, поскольку специальных показателей императива нет. В этой связи важно отметить, что у центральной императивной формы 2 л. ед. ч. лично-числовой показатель часто бывает нулевым, тогда как у соотносительной индикативной формы, которая не является центральной, этот показатель нулевым не бывает. В индикативе, напротив, нулевым часто бывает, как в азербайджанском языке, показатель 3 л. ед. ч. Из этого следует, что в индикативе центральной является именно форма 3 л. ед. ч.

Совпадение лично-числовых показателей императива и индикатива (преимущественно частичное) обычно бывает в тех случаях, когда у императивных форм есть специальный показатель императива. Именно такая ситуация наблюдается в венгерском языке. В приводимых ниже примерах формы императива даются в сопоставлении с формами претерита индикатива: 2 л. ед. ч. *men-j-el* «уходи», *men-te-l* «ты ушел», 2 л. мн. ч. *men-j-tek* «уходите», *men-t-etek* «вы ушли», 1 л. мн. ч. (= совм. л.) *men-j-tink* «уйдем/те», *men-t-iink* «мы ушли», 1 л. ед. ч. *men-j-ek* «уйду-ка я», *men-t-et* «я ушел», 3 л. ед. ч. *men-j-en* «пусть он уйдет», *men-t-fJ* «он ушел», 3 л. мн. ч. *men-j-enek* «пусть они уйдут», *men-t-etek* «они ушли» [44]. В этих парадигмах лично-числовые показатели совпадают у форм 2 л. мн. ч. (а также у форм 2 л. ед. ч., если учитывать устаревшую императивную форму *men-j-el*), 1 л. мн. ч. и не совпадают у форм 2 л. ед. ч., 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. и мн. ч.

Третье. Лично-числовые парадигмы императива и индикатива в очень многих случаях отличаются друг от друга по количеству входящих в них форм. С одной стороны, в императивной парадигме могут отсутствовать периферийные формы не-2л. Например, в тюркских языках нет специализированных императивных форм 1 л., хотя в индикативной парадигме эти формы есть. С другой стороны, в императивной парадигме могут быть «лишние» формы, которых нет в индикативной парадигме. Например, в русском языке в индикативной парадигме есть форма настоящего / будущего времени 1 л. мн. ч. типа *идем*, *пойдем*, которая обозначает, что агенсом (= субъектом) действия является говорящий вместе со слушающим / слушающими и/или лицом/лицами, не участвующими в коммуникативном акте. Эта форма соотносится с двумя формами императивной парадигмы. Одна из них, форма типа *идем*, совпадающая с рассматриваемой индикативной формой, обозначает, что агенсом действия (= исполнителем прескрипции) вместе с говорящим (= прескриптором) является единственный слушающий. Эту форму можно квалифицировать как форму 1 л. дв. ч. (= совм. л. ед. ч.). Другая форма типа *идемте* обозначает, что

агентом действия (= исполнителем прескрипции) вместе с говорящим (= прескриптором) являются многие слушающие (= получатели прескрипции). Соответственно эту форму можно квалифицировать как форму 1 л. мн. ч. (= совм. л. мн. ч.). Таким образом, «лишняя» форма в императивной парадигме — это форма 1 л. дв. ч., поскольку в индикативной парадигме личных форм дв. ч. нет. Эта форма, естественно, не бывает лишней, когда личные формы дв. ч. есть и в индикативной, и в императивной парадигме, как это, например, имеет место в словенском языке. •Ср. соотносительные формы императива и презенса индикатива: 1 л. дв. ч. *govori-va* «давай будем вдвоем говорить», *givori-va* «мы двое говорим», 1 л. мн. ч. *govori-mo* «давайте будем говорить», *govori-mo* «мы многие говорим».

Четвертое. Периферийные императивные формы бывают многовариантными, что обычно не характерно для соотносительных индикативных форм. Ср., например, русские императивные формы 1 л.: *почитаем* и *давай/те почитаем*, *будем читать* и *давай/те (будем) читать*.

Пятое. Периферийные императивные формы часто бывают аналитическими, в то время как соотносительные индикативные формы исключительно или преимущественно являются синтетическими. Аналитическими, например, являются многовариантные императивные формы 3 л. в русском языке: *пусть/пускай по/сидит*.

К этим отличиям, которые были сформулированы в работе [6], сейчас можно добавить еще два. Одно из них состоит в том, что лично-числовые показатели в императивной парадигме могут быть прагматически нагруженными, чего с ними обычно не бывает в индикативной парадигме. Например, в селькупском языке императивные формы переходных глаголов в конструкции с прямым дополнением, выступая в «своем собственном» объектном спряжении, обозначают приказ (*Ut tat-aty* «Воды принеси»), а выступая в «чужом» субъектном спряжении, обозначают просьбу (*Ut tat-as* «Воды принеси, пожалуйста») [45, с. 234—235]. Другое отличие заключается в том, что один и тот же личный показатель может иметь разные значения в индикативе и императиве. Например, в индонезийском, яванском и других родственных аустронезийских языках есть преф. *di-*, который является показателем 3 л. субъекта (= агенса) в пассивных формах индикатива. Ср.: (индонез.) *Surat di-baca oleh dia* «Письмо читается им». Стандартной формой пассивного императива 2 л. является нулевая (беспрефиксная) форма переходного глагола: *Baca surat (oleh Anda)* «Письмо-будет-прочитано письмо (вами)» = «Прочтите письмо». Вместе с тем функции этой формы может выполнять и форма с преф. *di-*: *Nah paman sudah mengupasplang. Ayo di-makan* «Вот я (букв. дядя) уже очистил банан. Давай пусть-(он)-будет-съеден (тобой)» = «Съешь его».

Существенно отметить, что нулевая форма и форма с преф. *di-* могут совместно употребляться в одной цепочке форм, обозначающих последовательные действия: *Tunggu minyak sampai panas lalu masukkan daging beserta gula dan di-aduk-aduk sebentar, kemudian tuangkan air* «Подожди, пока масло нагреется, потом положи туда мясо с сахаром и немного помешай (форма с преф. *di-*), затем залей водой» [36, с. 6].

К сказанному добавим, что в яванском языке тот же преф. *di-*, присоединяясь к прилагательным, образует императивную форму 2 л. (непереходного глагола?): *sabar* «терпеливый» → *di-sabar* «терпи» — *Di-sabar sawatara maneh, dhik* «Потерпи еще немного, дорогая».

Остановимся еще на одной проблеме личных форм, которая иногда возникает в сфере императива. Если в индикативной парадигме обычно



представлены формы 1 л., 2 л. и 3 л., то к императиву иногда относят только центральные формы 2 л., тогда как периферийные формы других лиц с тем же повелительным значением относят к другим наклонениям и соответственно различие наклонений в таком случае связано не с различиями в значении, а с противопоставлением форм разных лиц. В качестве примера можно привести яванский язык, где выделяется особое наклонение пропозитив, которое по существу является императивом 1 л. ед. ч. [46, с. 93]. Показателем пропозитива в активе служит префиксальная морфема *tak-ldak-*: *Aku dak-lunga dhewe* «Я пойду-ка сам», *Tak-mangan, tak-ngombe* «Поем-ка (и) попою». В пассиве показатель пропозитива усложняется. Дополнительно используется суф. *(n)e*: *Tak-om'Be-ne* «Пусть-будет-выпито-мною» = «Выпью-ка я», *Wis, kang, tak-plathokan-e kayumu* «Ладно, братец, пусть-будет-поколоты-мною твои-дрова» — «Поколою-ка я твои дрова».

Приведенные факты, без сомнения, дают основание считать, что категория наклонения взаимодействует с категориями лица и числа, причем выступает в этом взаимодействии как доминантная категория. Об этом можно судить потому, что и наличие/отсутствие категорий лица и числа (или их отдельных форм), и статус этих категорий, и иерархия их форм, и интерпретация формальных показателей зависят от того, в какой глагольной форме представлены эти категории, в индикативной или императивной.

## 7. Заключительные замечания.

Если различать взаимообусловленность и взаимодействие, полагая, что о взаимообусловленности можно говорить в случае обязательного сосуществования двух категорий, а о взаимодействии в случае видоизменения хотя бы одной из двух категорий, то можно утверждать, что категория наклонения взаимодействует с категориями времени, вида, залога, лица и числа. Тем самым категория наклонения взаимодействует не только с категорией времени, с которой она связана отношением взаимообусловленности, но и с категориями, с которыми она по существующим представлениям не связана отношением взаимообусловленности. Важно подчеркнуть, что взаимодействуя с другими категориями, наклонение в основном выступает как доминантная, т. е. невидоизменяющаяся категория. Соответственно все категории, с которыми взаимодействует наклонение, являются рецессивными, т. е. видоизменяющимися в результате взаимодействия.

Если сравнивать функционирование рецессивных категорий в индикативных и императивных формах, то в императивных формах в отличие от индикативных наблюдаются следующие разновидности видоизменения рецессивных категорий: 1) ликвидация рецессивной категории (примером может служить отсутствие в императиве категории времени), 2) ликвидация отдельных форм рецессивной категории (примером может служить отсутствие в императиве либо форм пассива, либо форм актива), 3) появление рецессивной категории (примером может служить наличие в императиве отдельных языков лица и числа, отсутствующих в индикативе), 4) появление некоторых новых форм у рецессивной категории (примером может служить наличие в императиве некоторых языков формы 1 л. дв. ч. при ее отсутствии в индикативе), 5) содержательная модификация рецессивной категории (примером может служить наблюдаемое в отдельных языках преобразование индикативной оппозиции актив/пассив в импе-

ративную оппозицию некаузатив/каузатив), 6) формальная модификация рецессивной категории (примером может служить замена центральных -форм у категории лица: в императиве центральными являются формы 2 л., которые никогда не бывают центральными в индикативе), 7) содержательная модификация отдельных форм рецессивной категории (примером может служить индикативная форма 3 л. пассива в индонезийском языке, которая в императиве может употребляться как форма 2 л. пассива), 5) формальная модификация отдельных форм рецессивной категории (примером может служить наличие в индикативе и императиве разных показателей для обозначения одних и тех же лиц). Можно думать, что есть и другие разновидности видоизменения рецессивных категорий.

Полагая, что категория наклонения, возможно, взаимодействует и с некоторыми другими категориями, мы хотим обратить внимание на то, что, очевидно, есть и такие категории, с которыми категория наклонения не взаимодействует. К их числу, с нашей точки зрения, относятся, например, категории референтности (рефлекси́ва/реши́прока) и каузатива, однако эта проблема заслуживает специального исследования.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шерба Л. В.* О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Избр. работы по русскому языку. М., 1972.
2. *Качинельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
3. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
4. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
5. Типология результативных конструкций. Л., 1983.
6. *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Л., 1986.
7. Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
8. *Апресян Ю. Д.* Принципы описания значений глаголом // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
9. *Роговин М. С.* Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник 1974. М., 1974.
10. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
11. Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании: Тезисы осенней школы-семинара. Таллинн, 1989.
12. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
13. *Ярцева В. Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. М., 1975.
14. *Маслов Ю. С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
15. *Кибрик А. Е.* Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // ВЯ. 1989. № 1.
16. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
17. *Barker M.A.B.* Klamath Grammar // University of California. Publications in linguistics. V. 32. Los Angeles, 1964.
18. *Стегний В. А.* Морфологическая структура глагола в языке кламат: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
19. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Морфология и синтаксис. М., 1948.
20. *Аврорин В. А.* Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.; Л., 1961.
21. *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.
22. *Пайар Д.* К теории перфективизации // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
23. *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
24. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
25. *Быролин Л. А.* Об одном условии приложения побуждения // Лингвистические исследования. 1986: Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986.
26. *Храковский В. С.* Императивные формы HCB и CB в русском языке и их употребление // Russian linguistics. 1988. № 12.

27. *Paduceva E. V.* Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // *Studia Slavica Finlandensia*. 1989. Т. VI.
28. *ИвиК М.* Употреба вида в словенском императиву с негацијом // *Славянская филология*. Т. II. М., 1958.
29. *Храковский В. С.* Диатеза и референтность // *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*. Л., 1981.
30. *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
31. *Schachter P., Otanes F. T.* Tagalog reference grammar. Berkeley; Los Angeles; London, 1972.
32. *Оглоблин А. К.* О соотношении актива и пассива в языках яванской группы // *Проблемы теории грамматического залога*. Л., 1978.
33. *Davies E.* The English imperative. L., 1986.
34. *Шербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.
35. *Оглоблин А. К.* Мадурский язык и лингвистическая типология. Л., 1986.
36. *Агус Салим.* Пассивный императив в индонезийском языке // *Императив в разноструктурных языках*. Л., 1988.
37. *Яедыяков В. П.* О связи каузативности и пассивности // *Вопросы общего и романогерманского языкознания*. Уфа, 1964.
38. *Якобсон Р. О.* О структуре русского глагола // *Якобсон Р. О. Избр. работы*. М., 1985.
39. *Панфилов В. З.* Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М., 1985.
40. *Талибов Б. Б.* Грамматический очерк лезгинского языка // *Талибов Б., Гаджиев М.* Лезгинско-русский словарь. М., 1966.
41. *Крылов С. А.* Средства выражения речевого побуждения в современном халхамонгольском языке // *Тез. конф. аспирантов и молодых сотрудников. Языкознание*. М., 1988.
42. *Алпатов В. М.* Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.
43. *Гаджиева Н. З.* Азербайджанский язык // *Языки народов СССР*. Т. 2. М., 1966.
44. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык. 4.1. М., 1955.
45. *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
46. *Оглоблин А. К.* Императив и залог в яванском языке // *Императив в разноструктурных языках*. Л., 1988.